

Особенности национальной экономики, или почему Россия не стала Америкой. И не будет, если* ...

Ю.С. ЕРШОВ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: eryus@mail.ru

В статье предпринята попытка объяснить, почему Россия с ее богатыми ресурсами до сих пор не превзошла западные страны по душевым показателям производства и потребления и почему не превзойдет в будущем. Версия, объясняющая это различиями в климатических условиях, обрекающими страну на повышенный уровень энергетических и капитальных затрат, признается несостоятельной. Помимо исторических, решающее значение имеют другие факторы – особенности взаимодействия с внешним миром, не позволяющие стране полностью использовать весь произведенный ВВП, специфика ее денежной системы, низкие квалификационные требования к руководящим кадрам и владельцам частного бизнеса, избирательно заимствованные из-за рубежа нововведения, приводящие к снижению эффективности использования трудовых ресурсов и повышенным издержкам производства.

Ключевые слова: экономика и климат, платежный баланс, внешний долг, денежная эмиссия, квалификация кадров, издержки учета и перераспределения, непроизводительный труд

В первой части статьи было показано, что экономическое соревнование России и Америки происходит в неравных условиях из-за разных требований к состоянию платежного баланса и механизмов эмиссии национальных валют. Поскольку нет никаких признаков и, соответственно, надежды на то, что по указанным аспектам соревнования в ближайшей перспективе произойдут позитивные перемены, остается уповать на классические факторы – создать более эффективную модель экономики и в конечном счете превзойти США по показателям производительности труда.

Кто же это может сделать? Только кадры, те кадры, которые «решают всё». А какие кадры сейчас решают всё? И чем занимаются те кадры, которые, хотя и не решают всё, но участвуют в создании валового внутреннего продукта?

* Окончание. Начало см.: ЭКО. – 2016. – № 2. – С. 69–92.

«Самое простое дело»?

Откроем главный наш закон – Конституцию. Кто может быть депутатом, губернатором, мэром и даже президентом? Любой имеющий право голосовать и попадающий в установленные этим законом возрастные рамки – вот и все «квалификационные» требования. Любой, кроме осужденных и невменяемых! Такие слабые требования к кадрам с самыми ответственными функциями считаются высшим проявлением демократии. Но это не демократия, а скорее свидетельство огромной безответственности по отношению к стране. Как только речь заходит о серьезных вещах, т.е. о себе лично, ответственность сразу появляется. Это экономику страны Б.Н. Ельцин доверил человеку, не управлявшему ранее ни министерством, ни регионом, ни даже предприятием. Но когда дошло до собственного здоровья, решение о том, в чьи руки отдать свое сердце, было принято адекватное. Нет сомнений, что при нужде и нынешние руководители страны, и олигархи, и все нормальные люди при всей любви к лозунгу «дорогу молодым» не доверят свое тело победителю конкурса юных хирургов, а предпочтут, если у них будет такая возможность, кого-то из аксакалов медицины.

Высшая власть в стране выполняет много функций. Важнейшая из них – как добиться поставленных целей, что делать, какие оперативные и стратегические решения принимать, какие для этого должны быть законы и указы. Это могут и должны делать лишь мудрые и опытные люди. Но можно ли быть таким в 21 год (это минимальный возраст для избираемых в Думу)? Здоровым, красивым, честным, даже гениальным в какой-то области – может, но не мудрым и не опытным, просто по определению этих понятий.

Конечно, между «может быть» и «будет» очень большое расстояние. И депутаты, и президент, и губернаторы, и мэры, чтобы стать таковыми, должны пройти через сито всенародного голосования. А народ – это не какая-то жалкая кучка членов конкурсной комиссии. Но это сито не отбирает по квалификационному признаку, здесь работают другие критерии – «этому верю, а этому нет», «этот нравится, а тот нет», «не надо менять, а вдруг будет хуже» и т. п. Выбираемых избиратели лично не знают, их имидж создают средства массовой информации, за невыполнение предвыборных обещаний нет ни уголовной,

ни административной ответственности. И складывается впечатление, что выполнение ответственных управленческих функций – это самая легкая профессия.

Может ли быть избран губернатором или назначен им знаменитый артист, командир дивизии или любой известный человек, ранее не управлявший ни заводом, ни районом, ни городом? Запросто. А наоборот: может ли тот, кто никогда не служил в армии, не выступал на сцене, а работал мэром, губернатором, депутатом, стать артистом или комдивом? Нет, так как там есть высокие квалификационные требования.

Факт легкости выполнения управленческих функций подтверждается и тем, что один и тот же человек может быть генеральным директором одной фирмы, входить в состав правления еще двух, состоять в наблюдательном совете еще одной и т. д. А вот работать инженером или, скажем, уборщицей даже на двух предприятиях весьма затруднительно. Или труд по выполнению высших управленческих функций действительно такой простой, хотя бы в части времени, необходимого для этого, или эти люди – супермены.

Ничуть не лучше ситуация и в частном бизнесе. Считается, что наиболее эффективный собственник – частный: у него якобы максимальная мотивация. Даже если он по умственным способностям не выше фонвизинского Митрофана, а свой бизнес получил по наследству. Даже если он иностранец. Даже если в душе презирает свою страну, и его главная цель – в перспективе ее покинуть. Но он частный собственник, следовательно, самый эффективный. Так нам сказали. А почему? Опять же потому, что Запад богаче нас, так как там давно экономикой правят частные собственники. Другие причины благополучия Запада обычно не называются.

Теперь о мотивации. Тезис о ее максимальной у частного собственника тоже весьма спорен. Если это мелкий фермер, а все работники – члены его семьи, то максимальная мотивация очевидна. А если это ООО или ЗАО, где есть крупные акционеры – директор, члены правления, и есть мелкие, которые и составляют львиную долю работающих? Если бы это был колхоз, то все заработанное можно было поделить по труду. Если же у каждого есть пай, то он имеет смысл лишь в том случае, если часть заработанного делится пропорционально паям, т. е. фонд

оплаты труда уменьшается. Почему в этом случае мотивация к повышению производительности должна быть выше?

И еще один важный момент. Нам сказали, что частный собственник эффективен и потому, что он не ворует. Но воровать у себя – нонсенс по определению: частный собственник просто берет сколько может или сколько хочет. Если вернуться к семейному фермеру или любому мелкому частному предпринимателю, то тезис об отсутствии воровства в его хозяйстве кажется бесспорным. Но это на первый взгляд. Разве от того, что он стал частным собственником, он перестал быть заинтересованным в занижении налоговой базы? Он объективно заинтересован в этом даже больше, чем директор совхоза: для последнего важны официальные результаты деятельности хозяйства, от которых зависят ее оценка вышестоящими органами и дальнейшая карьера. Фермера этот аспект отношений с «верхами» не волнует, лишь бы только не перебрать и не навлечь подозрения налоговиков. И если он вчера отвозил жену в город в парикмахерскую и спалил 20 л бензина, то что помешает ему эти литры отнести на производственные расходы?

Как видим, возможность воровать хотя бы немного есть даже у мелкого частного собственника. Что уж говорить о крупных. Сколько украли, и не просто украли, а вывезли из страны такие «эффективные частные собственники» – статистики на этот счет нет, но, если судить по сообщениям в СМИ, это несоизмеримо с тем, что когда-то крали руководители бывших еще государственными предприятий.

Можно ли надеяться на то, что в ближайшем или отдаленном будущем ситуация в части отбора кадров на ответственные руководящие посты изменится в лучшую сторону, что претендующие на них лица должны будут удовлетворять жестким квалификационным требованиям? Конечно, нет, ведь если мы попробуем внести в Конституцию изменения, радикально сокращающие число претендентов на эти посты, на нас ополчится весь «цивилизованный мир», Россию объявят политическим изгоем вроде Северной Кореи. И, естественно, никто не будет ограничивать права частного собственника в управлении бизнесом в связи с его тупостью или отвратительным моральным обликом. Так что, если признать справедливой фразу «кадры решают всё», то и в этом плане мы Америку не опередим.

Наверняка было бы совсем иначе, если бы, например, в СССР реформу сельского хозяйства в 1920–1930 гг. проводили специалисты, знающие и технологии, и психологию крестьян. Но ее проводили «асфальтовые фермеры», подобные реформаторам 1990-х. Не было никаких волнений селян с требованиями «взять все и поделить» – фактически им было приказано это сделать. Возможно, новая власть искренне считала, что в результате таких реформ динамика показателей развития сельского хозяйства ускорится. Но квалификация реформаторов в этой области была крайне низкой.

В итоге после 25 лет рыночных реформ последствия более удручающие, чем после коллективизации. Тогда скот резали лишь несколько лет, а затем поголовье стало расти, и если бы не война, уже в 1940-х дореформенное поголовье было бы восстановлено. Увеличивались посевные площади, росли урожаи. А сейчас? За 25 лет в России ни разу не собран урожай зерновых, хотя бы повторивший результат 1990 г. О восстановлении посевных площадей даже не приходится мечтать. Продолжает сокращаться поголовье крупного рогатого скота – от него осталась лишь треть. Да, есть большие успехи в производстве мяса птицы, но птицеводство – сельское хозяйство лишь по статистике, птицефабрику можно разместить и в центре большого города: для производства курятины не нужны ни пашни, ни пастбища, и даже солнечный свет можно заменить электрическим.

Кто не пашет, не сеет, не строит

Оставим в покое управленческие кадры, обратимся к вопросу о том, чем занимается значительная часть других кадров благодаря решениям, принятым высшей властью. Марксисты ввели понятия «производительного» и «непроизводительного» труда – это деление было и в советской науке. Иногда оно казалось странным, кому-то обидным и, возможно, даже вредным. Но классическая политэкономия создавалась в другую эпоху, и логика такого разделения казалась очевидной – если у помещика много крестьян на полях, он богатеет, если содержит много слуг, то может разориться. Потому что слуги не производили товарной продукции. Но если бы крепостные обеспечивали доход помещику не только работой на полях, но и занимаясь

другой работой не только в качестве слуг, то для помещика их труд был бы таким же производительным, как и крестьянский.

Особенность современного этапа развития экономики, и не только российской, – это значительное увеличение доли тех, кто занимается «непроизводительным» трудом. И речь идет не о врачах или учителях, которые производят хотя и нематериальные, но очень необходимые блага. А о тех, кто считает, перераспределяет, надзирает. Потребность в них стремительно растет, и не сама по себе, а как результат деятельности нашей власти. В качестве яркого примера можно привести страхование. Здесь генеральной линией является расширение этого вида деятельности, возможно, просто потому, что масштабы страхования у нас намного меньше, чем в западных странах. Обратимся к статистике – в 2013 г. сумма страховых премий по всем видам страхования (то, что заплатили физические и юридические лица) составила 901 млрд руб., а сумма страховых выплат (то, что они получили при наступлении страхового случая) – лишь 420 млрд (это без обязательного пенсионного и медицинского страхования). Часть этой большой разницы возвращается обществу в виде налогов, а все остальное – затраты страхующихся (а прямо и косвенно – это почти вся страна) на обеспечение перераспределения доходов, т. е. на содержание тех людей, которые занимаются явно непроизводительным трудом.

Армия осуществляющих страховую деятельность работников – более 312 тыс. чел. (в 2000 г. – 100 тыс., без занятых пенсионным страхованием). Большое спасибо ОСАГО. Многие десятилетия мы жили без него. Теперь без этого принудительного вида страхования обойтись нельзя – закон требует приобретать полисы и тем, кто может заплатить сразу или в рассрочку сумму в пределах 400 тыс. руб., а таких миллионы. Между тем для большинства страховых случаев достаточно меньших сумм. Цена полиса почти не зависит от вероятности наступления страхового случая – она одинакова и для тех, кто ездит ежедневно, и для тех, кто лишь иногда. Но самое плохое – то, что за виноватого платят невиновные. Это принципиальное отличие ОСАГО от многих других видов страхования – виновный в поджоге или краже застрахованного имущества будет платить, хотя бы путем отсидки в местах лишения свободы.

ОСАГО, возможно, это только цветочек. Может созреть и ягодка – обязательное страхование жилья. Как у них. И эти платежи тоже не будут считаться налогом и не отразятся на регистрируемых статистикой показателях уровня жизни и инфляции. И если введем ОСЖ, то работников страхования потребуется уже не 312, а 500–600 тыс. – квартир и домов больше, чем автомобилей.

Более 300 тыс. страхуют, а еще около 1200 тыс. осуществляют финансовую деятельность в узком смысле слова – в сумме это около полутора миллионов человек из 70 млн занятых в экономике. В 1990 г. в РСФСР таковых было лишь 300 тыс. с небольшим, и без компьютеров они обслуживали экономику, примерно равную по размерам экономике современной России. И все заняты, в банках скучающих от безделья не наблюдается. А почему, ответ прост – если в 1990 г. в России было лишь 288 тыс. предприятий и организаций, то сейчас их – почти 5 млн. И это только юридические лица. А еще индивидуальные предприниматели. И каждому нужен счет в банке, и каждого нужно обслуживать. Зачем так много? Иначе не будет максимальной мотивации и, самое главное, конкурентной среды. А лишние сотни тысяч ничего не производящих, но очень хорошо оплачиваемых (в среднем) людей – это лишь часть платы за мотивацию и конкурентную среду.

Но ведь всё так же и у них, у «золотого миллиарда», и даже более того – если в России финансовой деятельностью заняты лишь 2% с небольшим, то в Великобритании они составляют более 4% от общей численности занятых, в США – почти 5%. Но для этих стран и собственно финансовая деятельность, и страхование – это «золотые жилы», поскольку объект их обслуживания – вся планета, волею истории этот очень выгодный вид деятельности стал отраслью их специализации в международном разделении труда. Для наших же финансовых институтов кормушкой является только Россия – по этой причине занятые в них занимаются непроизводительным трудом, в то время как для Америки или Великобритании аналогичный труд можно считать производительным.

Еще одна область непроизводительной деятельности – это налоговая система, где за годы реформ численность занятых многократно увеличилась. Их немного меньше, чем в системе страхования – около 200 тыс. чел. Но затраты на налоговую

систему – это не только те люди, которые состоят на службе в ФНС, фактически в этой сфере людей намного больше: ведь те, кто приходят в налоговые органы для платежей и разборок, временно находятся не по основному месту работы. И если в офисе налоговой инспекции на 10 штатных сотрудников приходится 20 посетителей, то логично считать, что здесь заняты в три раза больше людей.

В экономике есть такое понятие, как «современная стоимость потока будущих платежей». Например, долг клиента перед банком-кредитором на сегодня составляет 1 млн руб. – это и есть современная стоимость всех его ежемесячно предполагаемых к уплате платежей. Эти платежи можно осуществлять по графику, но можно заплатить и разом, если есть необходимая сумма. Почему нельзя даже некоторые налоги заплатить разом, а необходимо выплачивать ежегодно в течение многих лет и содержать для этого занятых уж точно непроизводительным трудом людей? Вот статистика ФНС за 2014 г.: величина транспортного налога, собранного с физических лиц, – 71,8 млрд руб. Легковых автомобилей у граждан – более 40 млн. Если платят все, это в среднем менее 1800 руб. на автомобиль. Если заменить транспортный налог акцизом, то при двух миллионах проданных в России автомобилей (без вторичного рынка) величина последнего составит всего 36 тыс. руб. И не заплатить его невозможно – подпольного производства автомобилей у нас нет. Всего один раз 36 тыс. (в среднем) – и нет десятков миллионов (!) потенциальных преступников, не нужны в каждой инспекции люди, занимающиеся этим налогом, ежегодные рассылки миллионов квитанций и разборы с автовладельцами.

Налог на владельцев транспорта – это тоже цветочек по сравнению с другой ягодкой, которая созревает еще быстрее. Уже много лет говорят о том, что необходим налог на имущество физических лиц, да еще с «правильной, рыночной его стоимости». Сколько потребуется персонала для оценки этой стоимости и чем он будет заниматься? Тяжелым, с массой конфликтов с владельцами жилья трудом, причем «непроизводительным». И здесь неизбежно потребуется огромное количество исключений из общего правила – для тех, кто не в состоянии такой налог платить. И обязательно будет обман – оформление в качестве хозяина того, кого закон освобождает от налога или дает ему льготный режим.

Как и ОСАГО, налог на имущество также довольно неприятен по своей сути: уже заплатил за жилье, когда его покупал, теперь плати просто за то, что оно у тебя есть. При этом параллельно существует налоговый вычет, находящийся в прямом логическом противоречии с налогом на имущество. Но почему, если ты, например, прокутил несколько миллионов рублей на Лазурном берегу, то никаких налогов в российскую бюджетную систему не обязан платить, а если потратил эти деньги на улучшение жилищных условий – то изволь платить налоги помимо тех, которые из твоих же денег заплатили строители. И если уж очень хочется взимать налог с недвижимости, то почему его нельзя заменить разовым платежом при оформлении прав на эту недвижимость? И не 0,1% ежегодно, а, например, 1% однажды. Построил дом за 100 млн – заплати 1 млн, купил квартиру за 1 млн – заплати 10 тыс. И не заплатить и стать должником нельзя, иначе сделку не зарегистрируют. Дома и квартиры будут строить и покупать всегда, всегда будет и поток денег в казну. Зададимся вопросом: 1% – это много? Нисколько, риэлторы берут обычно от 3 до 5% от суммы сделки.

Никакой справедливости типа «кто богаче, тот будет платить больше» этот налог не обеспечит, и не только потому, что будет и обман. Если в Москве рыночная цена квартиры 5 млн руб., а в Омске – 1 млн, то не думайте, что москвичи будут платить в пять раз больше за свое имущество. Будут, но только по очень маленькой ставке, например, с каждого миллиона 100 руб. в год, однако такой налог даже не окупит затрат на сборы. Москва, вероятно, обманет и в этот раз, как обманула ранее, доказывая необходимость достижения 100%-й оплаты жилищно-коммунальных услуг. Во всех субъектах Федерации, даже с самыми низкими доходами, население само оплачивает все или почти все жилищные услуги. Но только не Москва – коммунальные услуги (газ, вода, тепло, электроэнергия) москвичи, конечно, оплачивают полностью, а вот жилищные (затраты по эксплуатации и ремонту домов, уборка территорий, вывоз мусора и т. п.) – лишь в меньшей части. По данным Росстата, в 2012 г. стоимость оказанных населению жилищных услуг составила в столице 1566 руб. на человека в месяц, а возмещаемая населением величина этих затрат – лишь 334 руб. Если сделать как везде, то московская семья из четырех человек должна будет ежемесячно платить дополнительно почти 5 тыс. руб.

Изобилие налогов, и особенно налогоплательщиков, сложность их расчета – это необходимость иметь миллионы бухгалтеров, формально числящихся занятыми в самых разных отраслях, но по сути занимающихся непроизводительным трудом. И одно из самых трудоемких дел для них – это расчет так называемого НДС, налога с названием, не соответствующим его истинной сути. Возьмем, например, нашу розничную торговлю. Сумма НДС, поступившая от нее в бюджетную систему России в 2013 г., – всего 99,4 млрд руб., а оборот ее в этом же году – 23,7 трлн руб. Если вместо НДС ввести налог с оборота или, как его называли, налог с продаж, со ставкой всего 1%, то получим 237 млрд руб. Это больше не только НДС, но и всех поступлений от розничной торговли в бюджетную систему за вычетом налога на доходы физических лиц (в 2013 г. – это 328 млрд руб., из которых 92 млрд – налог на зарплату). И для расчета такого налога никакой бухгалтер не нужен – его может определять сам кассовый аппарат. Отличный налог, простейший в расчетах и самоиндексирующийся в зависимости от темпов роста цен.

Могут быть возражения – в экономической науке оборотные налоги считаются самыми плохими, вредными для экономики. Это так, но только при двух условиях – если ставки большие и если этот налог взимается по всей производственной цепочке, начиная от производства сырья и материалов и кончая конечной реализацией готовой продукции. Кстати, в США НДС нет, а налоги с продаж есть, и достаточно большие.

Издержки учета и перераспределения – это один из бичей современной экономики. Другой ее бич – издержки платности. В 1920-е годы ученые вели споры о том, какие блага при переходе к коммунизму первыми станут бесплатными – трамвай, квартира или что-то другое. Казалось смешным. Но дело здесь не в кажущейся абсурдности «распределения по потребностям», главное, что такое распределение осуществляется с минимальными издержками.

Мнимая экономия

В детской книге писателя Н. Носова «Незнайка на Луне» есть эпизод с гостиницей «Экономическая». Сама плата за номер в ней мала, но за все дополнительные услуги надо платить: включил телевизор, воду, кондиционер – закрутились особые счетчики,

сменил полотенце или простыню – отдельная плата, просто сидишь или лежишь в номере – работает счетчик времени пребывания, ведь в это время изнашивается оборудование. Вышел на улицу – всё, счетчики не работают. Справедливо? Очень. А то один – весь день в номере, постоянно включен кондиционер, дважды в день ванну принимает и ежедневно просит менять полотенца, а другой лишь ночевать приходит. Почему же в этой сфере нет такого справедливого учета, а, хотя бы на микроуровне, используется коммунистический принцип распределения по потребностям? Ответ очевиден – при «справедливом» учете издержки обслуживания существенно возрастают, как материальные, так и трудовые.

Когда-то все платили за воду по усредненным нормативам – независимо от объема личного потребления. Сейчас реализуется программа повсеместной установки водяных счетчиков. Сколько же это стоит? По новосибирским тарифам 2015 г. – 2500 руб. за установку одного счетчика – населению придется потратить на эту программу не менее триллиона рублей. Половина этой суммы – на счетчики холодной воды, и эти затраты сопоставимы с затратами на ее забор, очистку и доставку. В среднем каждые пять лет эти счетчики должны проходить поверку, и если они неточны, заменяться. А поверка – это, опять же по новосибирским тарифам 2015 г., 600 руб. за один счетчик. Автор этой статьи за пять лет потребил 240 кубов холодной воды – в ценах 2015 г. около 4800 руб. Плюс 5000 руб. за установку счетчиков и 1200 руб. за поверку. Таковы итоги первой пятилетки – 4800 руб. собственно за воду и 6200 руб. – за учет. И эти 6200 руб. статистикой будут учтены не как налог и не как дополнительные издержки ЖЭУ, а как обычное потребление.

Горячая вода дороже, здесь основная плата – не за воду, а за энергию. Но счетчики ее не считают. У кого-то из «горячего» крана идет почти пар, а у кого-то – чуть тепленькая. А тариф один. Нужны другие счетчики, не простые устройства, а мини-компьютеры, с датчиками температуры, умножающие кубы на градусы. Такой счетчик будет на порядок дороже. Зато будет справедливо. И пора разобраться с отоплением. Плата по квадратным метрам – это убожество, нет учета тепла, полученного от отопительной системы квартирой или домом. На каждом стояке необходимо установить счетчики воды и датчики

температуры – на входе и на выходе. Производство кубов на разность температур – это и будет полученная вами энергия, и по этому показателю вы и должны ее оплачивать. Все это будет жутко дорого, но зато справедливо. Пусть даже для производства, установки и обслуживания всех этих счетчиков потребуется миллион человек.

Да, резервы экономии воды в быту огромные. Если сильно поднять тарифы, перестанем мыть посуду проточной водой, не будем наливать ванны до краев, в качестве комнатных растений предпочтем кактусы и другие «малопьющие». А если поднять еще выше, то и кнопку унитаза – главного потребителя холодной воды – научимся нажимать намного реже. А живущие в отдельных домах смогут свести потребление воды до минимума, собирая дождевую или построив на своем участке классический безводный унитаз. Главное – научить людей думать, сколько стоят те или иные его действия. Даже при нынешних тарифах одно нажатие вышеупомянутой кнопки – это копеек 12–16. А если посчитать за день? А потом умножить на 365?

Интересно бы узнать, насколько сократился расход воды после начала массовой полупринудительной кампании по установке водяных счетчиков. И сравнить с расходами, которые несет население, оплачивая эти счетчики, их установку и поверку. Объем выпуска по виду деятельности «Сбор, очистка и распределение воды» в 2013 г. составил 278 млрд руб., и это по всей холодной воде, на население приходится около половины водопотребления. Так что затраты на установку, замену и поверку счетчиков холодной воды наверняка превышают эффект от сокращения потребления воды.

Эта реформа навязана сверху, а не как ответ на массовые возмущения граждан несправедливостью оплаты по нормативам. Горводоканалу или котельным эти счетчики не нужны, они и так по другим счетчикам знают, сколько воды дали потребителям, и им не важно, как будут платить – по усредненному нормативу или по индивидуальным показателям. Значит, стране должно быть просто выгодно по каким-то причинам сократить потребление воды. Причем непонятно, по каким именно, и почему по большинству других товаров идеология прямо противоположная – вроде стремимся к увеличению объемов потребления. В результате в проигрыше окажутся массовые группы

населения – например, те, у кого маленькие дети, требующие ежедневных купаний и стирок. Гуманно ли это? Правда, появляется возможность сэкономить, но какой ценой – ценой ограничения себя в потреблении воды!

Одно из потенциальных заимствований из-за рубежа – экономия электроэнергии путем установки двухтарифных электросчетчиков. Энергетикам выгодно, чтобы население увеличивало электропотребление ночью, когда энергетические мощности в избытке, и, соответственно, снижало днем. А что будет со здоровьем людей, которые ради экономии ночью, вместо того чтобы спать, будут варить и стирать? Да и спящим соседям это не доставит удовольствия.

Эффективность упрощенной и по сути несправедливой системы оплаты демонстрирует и наш городской транспорт. Когда-то в СССР она частично зависела от расстояния. В конце концов плату сделали одинаковой для всех пассажиров. Но и такой принцип оплаты проезда обходится дорого. Кондукторы или турникеты, производство и продажа проездных, инкассация – возможно, что на эти затраты транспорта приходится около четверти их общего объема. Если сделать проезд в обычном автобусе, троллейбусе, трамвае бесплатным, затраты на перевозку каждого пассажира существенно уменьшатся. Но придется увеличить какие-то налоги. Так что имеем дилемму – или город тратит на каждого пассажира, например, 20 руб., но из личного кармана каждого, или всего 15, но из бюджета. Пока мы ее решаем в пользу 20 руб., хотя поездки в городском транспорте – это не удовольствие, не отдых, не развлечение.

Если пофантазировать и представить себе, что кто-то из высшей власти все-таки предложит в целях снижения издержек на перевозки и сокращения потребности в занятых тяжелым, но неквалифицированным трудом перейти на бесплатную перевозку пассажиров городским транспортом, то первой воспротивится этому Москва. Это в каком-нибудь Томске плата за проезд – просто перекалывание денег из кармана томского пассажира к томскому же транспортному предприятию. Для столицы ее городской транспорт – один из источников больших доходов, так как среди плательщиков ежедневно многие миллионы – это приезжие. И одна из наших бед, уже безотносительно к проблеме транспорта, состоит в том, что Москва – хотя и тоже

Россия, но все-таки «немножко другая страна», более богатая, и по этой причине полностью и правильно чувствовать проблемы периферии она не может.

Платные дороги – это тоже одно из генеральных направлений нашего развития. В принципе вроде бы правильно. Можно удивляться, что перевозки на дальние расстояния часто осуществляются фурами, а не по железной дороге, где по всем внешним признакам стоимость перевозки должна быть меньше. Почему автотранспортом дешевле? Это искусственная дешевизна. РЖД за счет своих тарифов оплачивает не только топливо, энергию и зарплату машинисту, но и полностью содержание дорог, их очистку, ремонт, проверку подвижного состава. И если вы отправляете по железной дороге свои вагоны со своим локомотивом, и даже тепловоз заправили своим топливом, все равно РЖД придется заплатить. А за что платят те, кто использует для перевозок автомобили? Если дорога не платная, они «экономят» сотни миллиардов рублей (ежегодные расходы бюджетной системы по статье «дорожное хозяйство» превышают триллион рублей, а фактически больше, сюда логично отнести и расходы на ГИБДД и часть расходов МЧС). Так что платность автодорог кажется вполне логичной.

Но беда в том, что строительство и эксплуатация платной дороги обходятся намного дороже. В пунктах приема платежей ее ширину надо увеличить в разы – например, два ряда в каждом направлении превратить в 8–10, чтобы не возникали пробки. Дорога должна быть ограждена, чтобы нельзя было объехать эти пункты ни по обочине, ни по проселку. Само оборудование, его обслуживание, инкассация, защита от воров – тоже не копеечные затраты. И плюс то, что обычно не считается: насколько дальше успела бы проехать, например, крупнотоннажная фура, двигавшаяся со скоростью 100 км/ч, если бы не надо было тормозить, останавливаться и снова разогнаться? И сколько надо дополнительно сжечь топлива, чтобы снова разогнать ее?

А нельзя ли взимать плату за пользование автодорогами как-то по-другому, причем повсеместно? Не секрет, что в Европе моторное топливо намного дороже: 1,5–2 и более евро за литр, но не потому, что у них нет своей нефти. Основная причина высоких цен – это акцизы, достигающие в некоторых странах половины рыночной цены топлива. Почему-то в этом плане

цивилизованной Европе мы подражать не хотим. Акцизы – это самый великолепный налог по критерию численности занятых, необходимых для его взимания, здесь минимум налогоплательщиков, в части моторного топлива – это нефтеперерабатывающие заводы, т. е. несколько десятков юридических лиц. Вместо около 45–50 млн плательщиков нынешнего транспортного налога. Страна потребляет ежегодно около 75 млрд л бензина и дизельного топлива – достаточно поднять цену на 1,5 руб./л – и будет собрана сумма, примерно равная сумме транспортного налога. И налог похороним, и будет справедливее, чем сейчас: кто больше ездит, больше и платит. А если поднять цену на 15 руб. – то дополнительный доход превысит статью расходов консолидированного бюджета под названием «дорожное хозяйство».

Правильно ли так сильно поднять цену на топливо в условиях, когда чуть ли не важнейшая составляющая экономической политики – борьба с инфляцией? Но ведь можно параллельно на адекватную сумму уменьшить расходы физических и юридических лиц на другие налоговые выплаты. Однако последнее при расчете темпов инфляции никак не учитывается. А может быть намного проще – пусть бензин стоит не 33, а 50 руб. – но в этой цене всё – и транспортный налог, и затраты на содержание и строительство дорог, и даже ОСАГО. Справедливый и небольшой – больше едешь, больше платишь, и за повреждения техники и травмы пусть платит виновный, а страховка пусть будет платой за получение беспроцентного кредита на возмещение ущерба на условиях, не ввергающих виновного и членов его семьи в нищету. Кстати, и от прибалтов и финнов, заправляющих авто в России, будет больше навару – заправляться они все равно будут под завязку, так как и 50 руб. – это не 1,5–2 евро. А может, и менталитет россиян изменится к лучшему – прожорливые внедорожники будут покупать лишь те, кто действительно ездит вне дорог, и желающих ежедневно возить свои тела на работу в личном авто, даже если по этому маршруту нормально ходит общественный транспорт, поубавится.

Претензии к законодателям и фактическим инициаторам разных нововведений не ограничиваются, конечно, лишь теми реформами, которые привели и будут вести дальше к увеличению численности занятых непроизводительным трудом. Какая голова догадалась придумать закон о невозвратных авиабилетах,

и хорошо ли думали те, кто это одобрил? Логика в этом есть, но она не должна доходить до маразма. Закон в таком виде – это просто оплот мракобесия. За неделю, за две – еще можно понять, но почему нельзя вернуть билет за месяцы до вылета и почему нельзя переоформить на другого? И почему взявший невозвратный билет будет информировать авиакомпанию об отказе от полета – Воздушный кодекс к этому не обязывает?! Тогда лишь по окончании регистрации станет известно, что пассажира нет, и его кресло пусто. А кому-то накануне отказали из-за того, что на рейс все билеты проданы.

А кто родил идею запрета производства лампочек накаливания? Появилась она и ранее была реализована за рубежом, но из этого не должно следовать, что она хорошая. Административный запрет в этом случае – своего рода похороны известной формулы $C+EK$ – главной при выборе оптимальных инвестиционных решений в широком смысле этого слова. Массовая замена лампочек накаливания экономичными имела бы место и без принуждения – слишком велик эффект. Хотите ускорить процесс замены – проведите просветительскую работу в СМИ. Но где-то лампочка горит лишь несколько часов в году (например, в гараже, куда хозяин приходит лишь взять или поставить машину) – действительно ли выгодно здесь тоже поставить светодиодную, тем более что она импортная? Вкручивает он такую лампочку, а на коробочке написано, что срок ее службы – 30000 часов, и думает с тоскою, что эта лампочка многократно переживет и его, и детей, и внуков, и правнуков. Нет, не переживет – или гараж снесут, или кто-то заденет ее и разобьет, или крыша протечет и в результате замыкания повредится цоколь.

А что такое программа утилизации автомобилей, тоже замислованная из-за рубежа? Как обычно ведет себя в условиях падения доходов из-за неблагоприятных изменений конъюнктуры рачительный хозяин? Он еще больше бережет то, что у него есть, и, скорее всего, откажется от покупки нового автомобиля, если старый еще на ходу. Нельзя ли было помочь автопрому другим способом, в рамках выделенных на программу утилизации средств, но не стимулируя уничтожение еще пригодных для эксплуатации ценностей? Если рассуждать логически, то первая программа утилизации была рассчитана на тех, кто не мог продать свою машину за 50 тыс. руб. или дороже – зачем сдавать

в утиль, если можно продать на вторичном рынке и получить «живые» деньги, а не справку? Значит, в программе должны были участвовать те, у кого автомобили стоят дешевле 50 тыс., и, следовательно, были лишены возможности приобрести такой автомобиль те, кто мог бы его купить, например, за 40 или 30 тыс.

Мы понимаем: то, что озвучивается высокими устами – это плод работы коллектива, и президент или премьер далеко не всегда авторы всех положений и указов. Иногда в них можно найти то, что в просторечии часто именуется подставой. Вот Указ от 07.05.2012 «О мерах по реализации государственной социальной политики», содержащий предписание «довести в 2012 г. среднюю зарплату учителей школ до средней зарплаты в соответствующем регионе». Иначе говоря, московскому учителю надо платить более 50 тыс. руб. в месяц, брянскому, орловскому и тамбовскому за такую же работу – только 17 тыс. (исходя из статистики о зарплате в регионах за 2012 г.). И это политика федеральной власти? Но еще более странно то, что предписано в отношении зарплат преподавателей вузов и научных сотрудников – к 2018 г. их зарплата должна составить 200% от средней в регионе. Они, в отличие от учителей, финансируются в основном из федерального бюджета. Получается, что сотрудникам московских НИИ и вузов федеральное правительство установит оклады в среднем в размере 100 тыс. руб., новосибирских – 46 тыс., ну а тем, кто такую же работу выполняет в Алтайском крае, достаточно и 32 тыс. (это по соотношениям средних региональных зарплат в 2012 г., к 2018 г. они вряд ли серьезно изменятся).

А тот, кто предложил индексирование пенсий в размере не меньше инфляции, от которого пришлось отказаться в 2016 г., не знал, что кризисы – это закономерность рыночных экономик, и об этом написано во всех учебниках? И почему при падении реальных доходов у работающих они не должны падать у неработающих? Логика нет, как нет ее и во многих других последних предложениях. Например, не платить вообще пенсию тем, кто продолжает работать и много зарабатывает. Не индексировать пенсию всем работающим пенсионерам. Кого хотим наказать – тех, кто хотя бы частично продолжает финансировать свою пенсию? Тех, кто вынужден работать, потому что на его маленькую пенсию прожить невозможно?

Еще раз о пенсионном возрасте

Есть хороший способ сбалансировать бюджет, и о нем всё чаще говорят и почти параллельно опровергают – это повышение пенсионного возраста. Здесь мы впереди планеты всей и благополучному Западу подражать почему-то не хотим. Пенсия «по старости» в 55. Значит, наша российская женщина в 55 лет – старуха? Это просто оскорбление, равно как и отнесение в нашей статистике таких категорий населения к находящимся уже в «нетрудоспособном» возрасте.

Оппозиционеры-популисты часто спекулируют на этой теме, особенно касательно мужчин. Как же можно повышать их пенсионный возраст, если средняя продолжительность жизни – всего 65 лет? Вроде как в среднем будешь получать пенсию только пять лет. Но это обман, рассчитанный на тех, кто не знает особенностей расчетов. Нынешний пенсионный возраст установлен в СССР еще в 1932 г. Какой тогда была средняя продолжительность жизни, данных нет, но есть за 1926–1927 гг.: для мужчин – 40 лет, для женщин – 46. Пятилетний приоритет для женщин был тогда вполне логичен – рождаемость была высокой, и к 55 годам женщина обростала обилием внуков, ухаживать за которыми естественнее было бабушке, а не маме. И детских садов почти не было. Сейчас ситуация радикально изменилась.

Дилемма у нас простая – или много пенсионеров (сейчас их более 41 млн против 33 млн в 1990 г. при сократившейся на 4 млн чел. общей численности населения) и в среднем маленькая пенсия (11 тыс. руб. в 2014 г. не позволяют жить так же, как 100 руб. в конце 1980-х гг.), или их поменьше, но с более весомой пенсией. Если бы пенсионный возраст был как в США – 65 лет для всех – то пенсионеров стало бы меньше на 12 млн чел. Но вот найдутся ли для всех рабочие места, и не станет ли больше безработных? Или того хуже, не отнимут ли они рабочие места у молодежи? На текущий момент в этом плане ситуация вполне благоприятная. Если в 1990 г. в России родились 2,3 млн чел., то к 1999 г. этот показатель снизился до 1,3 млн, и ситуация, когда численность молодежи, вступающей в трудовую жизнь, будет все больше сокращаться, сохранится надолго. Если в среднем принять возраст этого вступления в 20 лет, то уменьшение притока в экономику молодых кадров будет усиливаться до 2020 г., потом он увеличится, но не достигнет показателей 2010 г.

(рождаемость, хотя и выросла, все равно она заметно ниже уровня конца 1980-х). А вступающих в пенсионный возраст – более 2 млн ежегодно. Не лучше будет ситуация с молодыми кадрами и в перспективе: 2,3:1,3 – в такой же пропорции изменится и численность вступающих в «детородный» возраст.

Таких, как мы, «55 и 60», почти не осталось – Беларусь, Узбекистан и Украина, причем последняя уже объявила о постепенном повышении пенсионного возраста для женщин. В Китае как у нас, но там пенсии платят лишь «отдельным категориям населения». В большинстве развитых стран пенсионный возраст одинаковый и для мужчин, и для женщин. Когда-нибудь его у нас, конечно, повысят. Сейчас эта проблема намного актуальнее, чем ранее: к бюджетной напряженке добавилось негативное воздействие демографической волны.

Лучше было бы начать это повышение очень плавно и давно – например, ежегодно увеличивать на 1–2 месяца, и через 12 лет мы бы имели 61 год для мужчин и 57 – для женщин. Плюс 1–2 месяца для 2014 г. – экономия расходов Пенсионного фонда примерно в 40 млрд руб. или возможность на эту же сумму увеличить объем пенсионных выплат. Через 12 лет эта экономия в ценах 2014 г. достигнет 480 млрд. Если делать это постепенно, от месяцев перейдем к кварталам, такого результата достигнем уже через четыре года. Никаких людских трагедий и крушения их жизненных планов при плавном повышении пенсионного возраста не будет. И чем дальше откладывается решение этой проблемы, тем больше вероятность того, что кому-либо придет в голову идея решить ее шоковым путем, и законодатели, скорее всего, поддержат инициаторов.

Наука и реформы

Куда ни кинь, везде клин. Не везде, конечно, но уж слишком много этих клиньев. И почти все не свои, а заимствованные из-за рубежа. Есть ли все-таки светлые пятна и где их искать? Может быть, там, где работают или должны работать самые умные люди – в науке, в высшем образовании. К сожалению, и наука, и высшее образование за годы рыночных реформ сильно себя дискредитировали. В 1990-е гг. реальное финансирование науки сокращалось, материальная база ветшала, уменьшалась и численность занятых, в коммерческие структуры уходили даже доктора

наук. Но параллельно стремительно росла численность аспирантов и защитивших диссертации – последних к 2000 г. стало почти в 2,5 раза больше, чем в начале 1990-х. Прием в докторантуры утроился, число окончивших ее с защитой удвоилось. Может быть, действительно «сытое брюхо к учению глухо», а голодное, напротив, помогает совершать изобретения и открытия? Конечно, нет, просто была существенно понижена планка требовательности при оценке квалификации ученых, особенно в вузах – весь этот рост численности произошел за счет них.

Против необходимости реформ, больших или маленьких, в том числе и в науке, и в образовании, вряд ли решатся выступить даже те, кто искренне считает, что советская система образования была лучшей в мире. Но вот в чем их суть и почему станет лучше – на этот вопрос ответ дать затруднительно. Кто из занятых в науке не знает, что такое «рыба», кем и как подбираются рецензенты и оппоненты? Кто не знает, что диссертацию за одного может написать другой, если не целиком, то «очень сильно помочь», что ВАК не может проверять достоверность и ценность результатов, а контролирует лишь формальные вещи. Реформа эти аспекты науки не затрагивает. Обещали сильное увеличение зарплаты, но пока несколько лет она даже не индексируется. Да и просто ее поднять – это не реформа, а лишь повышение привлекательности научной деятельности, необходимо и изменение требовательности к кадрам, как новым, так и старым. А оно если и будет, то, скорее всего, по формальным критериям – слишком старый или не очень, остепененный или нет, много статей или мало.

«Пистолет, Володя, перевесит сто тысяч других улик», – так в известном фильме сказал Шарапову Глеб Жеглов. Применительно к нашим образовательным учреждениям можно говорить о показателе, который должен «перевешивать» все остальные, вместе взятые: что знают и умеют их выпускники. Но реформа направлена на иные цели. В самом кратком изложении – понравиться Западу, подняться в их рейтингах вузов. А тут главное не качество выпускников, а совсем другие показатели – сколько научных работ опубликовано и где, каковы индексы цитирования, сколько иностранцев обучается, каково качество преподавательского состава в плане доли остепененных. Наверное, по этой же причине путем механического объединения созданы федеральные

университеты – маленькому вузу, даже если он будет готовить супервыпускников, ничего в мировом табеле о рангах не светит.

Теперь о мотивации в этих видах деятельности, где должны работать самые светлые головы. О чем должен думать молодой преподаватель, пришедший на работу в вуз? По нормальной логике – о качественном внедрении учебного материала в головы студентов. Проверяя контрольные, он должен разобраться, в каком месте совершена ошибка, что и как надо исправить в своей деятельности, чтобы впредь количество таких ошибок уменьшилось. Но это трудоемкая технология, и не будет времени на диссертацию. Можно проще – поставить минус в конце неправильно решенной задачи, а дальше пусть студент разбирается сам. Тогда будет время и для научных статей, и для диссертации. И повысят зарплату, и будут хвалить, так как это всё повышает рейтинг вуза.

Остается лишь утешаться тем, что в других отраслях нет такой мотивации. Представим, что доярка Настя спрашивает у заведующего фермой: «Почему, Петрович, Тамара получает больше, чем я, надои у нее такие же». А Петрович ей говорит: «Ты, Настя, по вечерам больше на танцах, а Тамара все по библиотекам, провела большую работу и выполнила исследование “Особенности строения вымени у коров венесуэльской породы”, опубликовала его в рецензируемом журнале, и ей присвоено звание доярки-специалиста высшей квалификации. И я просто обязан ей платить надбавку».

Венесуэльские коровы – это все же по специальности. А та научная работа, которую выполняют вузовские соискатели, часто вообще не имеет никакого отношения к содержанию преподаваемых им дисциплин. Так что и в науке, и в образовании – а ведь именно занятые здесь являются первыми генераторами научно-технического прогресса – нам в плане догнать и перегнать Америку ничего не светит. Просто по определению – как можно обогнать, подражая и копируя?! Да и догнать трудно, так как условия соревнования не в нашу пользу. Чего стоит один только ставший волею истории рабочим на международных конференциях и даже при преподавании в вузах английский язык? Нам его надо учить специально, а они его усваивают с молоком матери. А не зная английского, очень сложно получить международное признание, заработать не отечественный, а международный

индекс цитирования, к чему призывают новые критерии оценки эффективности НИИ и вузов. И если к этому стремиться, на собственную науку времени останется меньше.

Подражая Западу, мы ничего хорошего пока не получили. Ранее могли хотя бы надеяться на главное преимущество советского образования – равные стартовые условия, поскольку только это позволяет обнаружить, кто и на что способен. Всякие уклоны и спецклассы начинались не сразу, отбор осуществлялся, когда способности каждого ученика стали очевидными. Теперь разделение уже на старте – есть школы престижные, есть считающиеся плохими, соответственным будет и состав их «абитуриентов». И попавший в такую талантливый от природы ученик вряд ли сможет раскрыть свои способности. А кого отсекает набор на коммерческих условиях, объяснять вообще не надо. В сельской местности сейчас проживает более четверти населения страны, с маленькими городками и поселками – более трети, а какую часть студентов наших вузов составляют прибывшие оттуда? Для очень немногих доступны коммерческие условия при средней зарплате в сельском хозяйстве 15 тыс. минус подоходный? Да и стипендия у поступивших на бюджетные места почти символическая.

Принято считать, что уровень квалификации занятых в экономике сейчас намного выше, чем в прошлом. В качестве доказательства приводятся данные о численности имеющих высшее образование – сейчас это почти каждый третий, в 1992 г. – лишь 16%, ранее – еще меньше. Но это весьма спорный или даже ложный критерий: он больше свидетельствует об общей эрудиции и кругозоре людей, а не об их квалификации. И если бы вместо слова «высшее» использовалось «высокое», то можно было бы утверждать, что это образование часто не высокое, а «широкое». В банки принимают людей только с высшим образованием. А зачем такие требования? Круг обязанностей и необходимых для их выполнения знаний для большинства работников крайне ограничен. И многие быстро забывают то, что они знали или должны были знать в вузе. И поэтому вручную, без компьютеров, они клиентов обслужить не смогут. Зачем же тогда терять четыре или даже шесть лет на обучение?

О том, что с высшим образованием у нас перебор, свидетельствуют и международные сопоставления. Число студентов вузов

к 2008 г. превысило показатель 1990 г. в 2,7 раза, и по нему мы обошли всю планету. Даже Америку – там в 2008 г. на 1000 человек населения был 61 студент, у нас – 69, причем на американский показатель серьезно влияют иностранные студенты, у нас таких мало. В большинстве других стран этот показатель намного ниже: в Великобритании – 39, во Франции – 36, в Японии – 32, в Швейцарии – всего 30.

Количество студентов и их положительные качества находятся в обратной зависимости. И когда «серая масса» велика, преподаватели вынуждены ориентироваться на нее. Так что по формальному критерию, т. е. по доле имеющих высшее образование среди занятых в экономике, мы превосходим или скоро превзойдем многие развитые страны, а по реальному – производительности труда – нет.

Пора подвести печальные итоги оценки наших перспектив в экономическом соревновании. Пока никаких серьезных изменений в российской экономической модели, направленных на повышение эффективности экономики и качества управления, не видно. Все законы в части прав быть избранным останутся «демократическими» по западным критериям, т. е. без серьезных квалификационных требований к избираемым. И исключить попадания на высокие управленческие посты людей без нужной квалификации и опыта нельзя. Вспомним, сколько процентов голосов на последних выборах мэра Москвы набрал соперник Собянина. За душой у него вообще никакого опыта управления даже районом или маленьким городком – для обеспечения высоких результатов достаточно было ярких, страстных обличительных речей.

И если с формальной демократией западного образца у нас полный порядок, то с реальной – все наоборот. «Самый главный ограничитель человеческих прав и свобод – это нищета», – так сказал кто-то из классиков. На этом фронте у нас успехи минимальны. И по дифференциации доходов населения мы почему-то превосходим все развитые страны, и размер минимальной заработной платы у нас почему-то очень далек от 45% американского показателя (45% – наш официальный душевой ВВП по отношению к США). Настоящий капитализм и в царской

России, и у них начинался с неограниченной ответственности. Достижим успеха в работе на таких условиях можно было доверить впоследствии и ограниченную ответственность. У нас доверили сразу, предшествующего опыта работы у «новых русских» не было. Поэтому в России качественный состав управляющих частным бизнесом должен быть хуже, чем в Америке (в среднем, конечно). Поэтому и ошибки в своих управленческих решениях они, наверное, совершают чаще.

Рассчитывать на усиление требований к владельцам частного бизнеса в части проверки их квалификации, способности управлять им мы тоже не можем. Собственник бизнеса – главный в нем просто по определению. Конечно, было бы намного лучше наличие квалификационных требований к желающим начать собственное дело, хотя бы по минимуму, в виде какого-то опыта работы по найму. Тогда будущий торговец не будет оценивать свой потенциальный доход только по разнице между розничными и оптовыми ценами, а парикмахер не будет делать это умножением тарифов на число клиентов, которое он сможет обслужить за день. Но это всё из области фантастики, курсы и санитарная книжка – больше ничего не потребуют, и то лишь в том случае, если собираешься заниматься стрижкой сам. А чтобы просто быть хозяином, и этого не надо.

Численность занятых непродуктивным трудом в перспективе, скорее всего, продолжит расти. С 2002 по 2012 гг. количество работающих в органах исполнительной и законодательной власти возросло на четверть, работников суда и прокуратуры – на 42% при общем увеличении численности занятых в экономике менее чем на 4%. Тем не менее последних не хватает, суды завалены делами. Количество законов и законопроектов растет год от года, будет множиться и впредь. Этот показатель стал фактически главным при оценке работы законодателей – подводя итоги каждой сессии, в первую очередь говорят о количестве рассмотренных и принятых документов. И чем больше законов, тем больше надзирателей за тем, как они выполняются, и больше потенциальных преступников. И тем больше вероятность поспешного их принятия и низкого качества, проявляющегося часто и в низкой продолжительности жизни.